

Глава 5. Пинок с лёту

Я робко сжался на циновке, ожидая, когда небожительница наконец повернётся. Густые, колышущиеся тени деревьев делали этот мир зыбким, колеблющимся между явью и мороком. Наконец дева слегка повернула голову и тихо произнесла:

— Если не обрести спасение в нынешнем воплощении, то в каком же ещё спасти эту душу?

Я не на шутку перепугался. Неужели я расшибся насмерть, просто покотившись по склону? Неужели я из тех несчастных, кто и рождается бестолково, и умирает по нелепой случайности?

Сжавшись от страха, я робко пролепетал:

— Младший... пока не хочет спасаться...

«Я ведь ещё пожить не успел. Всего пару дней как заделался принцем, даже вкусного толком не попробовал...»

Небожительница вдруг прикрыла лицо рукавом и негромко рассмеялась. В её строгой, благообразной осанке промелькнуло лукавство.

— У цветка две стороны, — промолвила она. — Одна зовётся «ещё не конец», другая — «недостижимое». Ваше Высочество принц Ли, шутки в сторону. Пора просыпаться.

Её слова казались туманной шарадой — велеречивой и совершенно непостижимой. Я озадаченно почесал затылок, и вдруг это простое движение всколыхнуло в глубине моего разума чужие, пугающие воспоминания.

Перед глазами поплыли картины: залитое кровью поле битвы, гибель государства, крах династии и предательство близких. Вот я стою на высокой крепостной стене, руки дрожат от ужаса. Под пронзительный крик одинокого сокола на ветру ко мне приближается человек с обнажённым клинком — и вдруг прижимает холодное лезвие к собственному горлу. В миг, когда он падает замертво, в моих ушах раздаётся пронзительный звук лопнувшей струны. Я прижал ладонь к груди и с ужасом понял: этот звук издало моё собственное разорвавшееся сердце.

«Поэма разбитого сердца о делах минувших дней...»

Эта оборванная строчка эхом отозвалась в мыслях. Обливаясь холодным потом, я судорожно нащупал на груди нефритовую подвеску и крепко сжал её в кулаке.

Небожительница посмотрела на меня — или сквозь меня, куда-то в бесконечную даль — и тихо, печально вздохнула:

— Ну что ж... Неспособность забыть и отпустить — это тоже благо. Однако вам, принц Ли, следует усвоить одно: не будь земля усеяна костями и не оглашайся мир плачем тысяч призраков, вы бы не совершили это путешествие без веской на то причины.

На сей раз в её витиеватых речах мне почудился глубокий смысл.

— Вы хотите сказать... — спросил я со страхом, — что моё появление здесь, в моём собственном сценарии... вовсе не случайность?

— Всякая случайность есть неизбежность. Откуда в подлунном мире взяться простым совпадениям?

Она выпрямилась и снова повернулась ко мне спиной. Теперь я видел лишь расплывчатый, залитый мягким светом силуэт её затылка.

— Вы вольны предать забвению былые ошибки, но не смеете забывать, как шаг за шагом, совершая земные поклоны до кровавых ссадин, вы молили о прощении. И тысячи заупокойных молитв не вернут прошлое. Лишь искреннее сердце имеет цену.

Немного помешкав, я набрался храбрости, поднялся на ноги и, подойдя к ней поближе, почтительно склонился в глубоком поклоне:

— Из всего, что вы изволили сказать, Фея-сестрица, я понял от силы половину. Но мне ясно главное: вы велите мне ценить этот шанс. Обещаю, я приложу все усилия, чтобы стать приличным принцем, который просто хочет спокойно жить и вкусно кушать...

Силуэт девицы заметно оцепенел. Она медленно повернулась ко мне. Я невинно захлопал ресницами, разглядывая её лицо. Надо признать, выглядела она на редкость благообразно — кроткий лик, точь-в-точь как у милосердного божества на храмовой фреске.

Дева тоже принялась изучать меня взглядом, после чего негромко заметила:

— Глаза... ну точь-в-точь как у твоей родни по отцу...

«Ого, неужели небожительница судит по внешности?»

Я удивился и изо всех сил попытался пошире раскрыть свои и без того узкие глаза.

— Фея-сестрица, если нужно, я могу поменьше есть. Глядишь, лицо похудеет, и глаза побольше станут...

Дева тепло улыбнулась и ласково поманила меня рукой:

— Дитя моё, поднимись и повернись спиной.

Глуповато улыбаясь, я послушно выполнил приказ, подставив ей спину. И тут же затылком почувствовал свист рассекаемого воздуха. Инстинктивно обернувшись, я увидел, как прямо мне в лицо летит чья-то изящная, но чертовски стремительная ножка.

Удар пришёлся прямо в переносицу. Я откинул голову назад, а из носа фонтаном брызнула кровь. Проваливаясь в беспамятство, я успел подумать лишь об одном:

«Интересно, какой у неё размер обуви?..»

— А вот соображалка у тебя явно в кого-то другого... — донёсся до меня её тихий, прохладный вздох, который вскоре растаял без следа.

Моя бедная душа от этого пинка едва не разлетелась на мелкие осколки. Пришлось изрядно попотеть, чтобы собрать растерянные мысли воедино. Не успел я мысленно завопить: «Помогите, святые угодники дерутся!», как я услышал чей-то истошный, визгливый голос:

— Принц Ли представился!

«Я? Преставился?!»

Я возмутился и буквально взвился на ложе, словно восставший из гроба мертвец.

— Что за вздор! — завопил я, хлопая себя по животу. — Я же только-только вошёл в роль, неужели моя песенка уже спета?!

От моего крика туман мгновенно рассеялся, и в глаза ударил яркий свет. Зыбкие тени вокруг обрели чёткие очертания, и я наконец разглядел, где нахожусь.

Прямо предо мной на коленях толпились бледные слуги и евнухи. Лу Цзюань, мёртвой хваткой вцепившись в мой рукав, рыдал навзрыд так горько, словно провожал меня в последний путь. Страж Суй, багровый от ярости, тряс за шиворот лекаря Шангуаня так, что у того зубы стучали:

— Ты же божился, что Его Высочеству станет лучше!

Я ошарашенно огляделся, сообразив, что никто пока не понял, что покойник ожил. Чуть поодаль стоял Чжун Бочэнь. Наши взгляды встретились. Он вздрогнул, но не сдвинулся с места, замерев как изваяние. Великий канцлер лишь крепко закусил губу и смотрел на меня с такой нечеловеческой мукой и тоской, что у меня мурашки побежали по спине.

От этого взгляда мои только что утихомирившиеся чувства вновь взбунтовались. Я испуганно протянул к нему руку и позвал:

— Бочэнь, иди сюда.

Мой хриплый окрик подействовал на присутствующих как гром среди ясного неба. В покоях воцарилась гробовая тишина. Лу Цзюань замер с надувшимся от слёз пузырьком у носа, а Сюй Чанчжи наконец разжал пальцы, и несчастный Шангуань Ся, болтавший ногами в воздухе, с глухим стуком шмякнулся на пол. Чжун Бочэнь всё так же оцепенело смотрел на меня. Стало не по себе: я действительно воскрес или это просто предсмертные конвульсии?

Неуклюже свесив ноги с постели, я попытался встать, но не удержался на ногах. Наступив на кого-то из коленопреклонённых бедолаг, я полетел кувырком вниз.

Однако твёрдого пола я так и не коснулся — меня подхватили сильные руки. Уткнувшись носом в чужое плечо и уловив знакомый, едва заметный аромат бамбука, я глуповато заулыбался:

— Живой я, живой! Ещё сто лет протяну! Я ведь даже половину деликатесов в этом дворце не перепробовал!

Пальцы Чжун Бочэня, прижимавшие меня к себе, заметно дрожали. Прошло немало времени, прежде чем он сумел выдавить сквозь сжатые зубы:

— Ваше Высочество... всё позади...

Ещё какое-то время в покоях царил невообразимый переполох. Теперь я полулежал на постели, беззаботно покачивая ногой, и лениво наблюдал за толпой придворных лекарей, которые то гурьбой влетали в комнату, то испуганно пятились прочь. Как главный виновник этой несостоявшейся трагедии, я не испытывал ни малейшего угрызения совести. Вместо этого я откровенно развлекался, крутя высокий пучок волос на голове коленопреклонённого Шангуань Ся.

Шапка лекаря, сбита стражем Сюем во время недавней потасовки, сиротливо валялась неподалёку, и никто не спешил её поднимать. Я вертел его волосы то так, то эдак, пока его лицо не исказилось от напряжения.

— Ваше Высочество ещё не оправились от прежних ран, а теперь подверглись воздействию яда. Ваш покорный слуга заслуживает тысячи смертей за недосмотр, — бесстрастно

продекламировал Шангуань Ся, причём в его голосе не слышалось ни капли искреннего раскаяния.

«Яд?»

Я недоумённо уставился на Чжун Бочэня.

Тот негромко пояснил:

— В сладостях, которые вы изволили отведать, обнаружили отраву. Мои люди уже допрашивают служанок, доставивших блюдо.

Тут до меня дошло, что под удар попали Хундоу и Хунцзао. Я поспешно взмолился:

— Это точно не они! Прошу тебя, прояви милосердие, не мучай девчонок.

— Даже если они не причастны к заговору, налицо халатность! — сердито вмешался евнух Лу, хотя Хунцзао совсем недавно хвалила его за доброту. — Разве мыслимо подавать пищу господину, не испробовав её предварительно на себе?! Вашему Высочеству чудом удалось спастись. Лекарь Шангуань ведь уже руками разводил, мол, не жилец наш принц...

Я легонько ущипнул Лу Цзюаня за пухлую щеку, чтобы тот перестал причитать:

— Ладно тебе, сам виноват — разыгрался аппетит. Я ведь и впрямь подумал, что от простого падения моя душа отлетела на небеса. Там ещё дева прекрасная была... погодите-ка...

И тут меня осенило. Небесный пинок той девы был вовсе не наказанием, а самым настоящим чудодейственным средством для возвращения с того света! Переполнившись благоговейным восторгом, я схватил Лу Цзюаня за плечо:

— Быстрее! Вели соорудить в домашнем святилище алтарь в честь великой спасительницы!

Евнух опешил:

— Какую именно богиню прикажете почитать, Ваше Высочество?

Я замялся. Имени той суровой заступницы, наделившей меня живительным пинком, я, разумеется, не знал. Поразмыслив секунду, я авторитетно заявил:

— Найди самый большой армейский сапог и водрузи его на божницу.

Лу Цзюань удалился с совершенно ошарашенным видом. Лекарь Шангуань смерил меня подозрительным взглядом и обернулся к помощнику:

— Приготовь ещё парочку отваров для успокоения ума.

Постепенно переполох утих, слуги разошлись по своим делам. Сюй Чанчжи подобрал с пола примятую шапку, вернул её лекарю Шангуаню, и оба один за другим покинули покои. В комнате остались лишь погружённый в мрачные думы Великий канцлер и я — чудом выживший бедолага.

Чжун Бочэнь держался на некотором отдалении, будто опасался подхватить от меня какую-то заразу. Мне это быстро надоело, и я капризно подрыгал ногами:

— Великий канцлер, и кто же на этот раз спит и видит меня в гробу?

— Пока неизвестно, — отозвался он, понутив голову подобно побитому морозом цветку.

Видеть его в таком унынии было невыносимо. Сцепив зубы, я снова нетерпеливо зашевелил ногами под одеялом:

— Да что ты стоишь там, у дверей? Подойди ближе. Мне до сих пор кажется, будто всё вокруг ненастоящее, голова кругом идёт.

Он заколебался, но всё же сделал несколько шагов и остановился у изголовья постели. Я поймал его за руку и улыбнулся самой глупой, жизнерадостной улыбкой, на какую только был способен:

— Ну ладно тебе, виноват я, признаю! Обещаю больше не объедаться тайком. От этого всё равно один вред — растолстею, глаза совсем узкими станут, даже небесные девы смеяться будут.

Чжун Бочэнь нахмурился, он посмотрел на меня с ледяной дымкой в глазах, в которой, казалось, вот-вот блеснут слёзы:

— Ваше Высочество... вы точно пришли в себя? Сознание не туманится?

— А к чему эта излишняя ясность? — хмыкнул я.

«Видимо, удар божественной пятки действительно слегка повредил мне рассудок, раз этот вымышленный мир начал казаться мне вполне уютным убежищем для тихой жизни».

— Будь я слишком серьёзным, вряд ли сумел бы радоваться мелочам.

— Ваш слуга... никчём... — выдавил этот блестящий государственный муж, внезапно увязнув в пучине вины. От его прежнего величия не осталось и следа, сейчас он напоминал напроказившего школьника. — Я ведь клялся, что Ваше Высочество больше не узнает бед... И всё же...

— Да живой я, живой! — воскликнул я. Пускай его холодное высокомерие порой раздражало, но видеть его столь жалким и сокрушённым было куда хуже. — Твоей вины тут нет. Я сам наплевательски отнёсся к собственной жизни, вот и поплатился. Впредь буду осторожнее. Ну же, улыбнись.

Мои бессвязные речи, похоже, напугали почтенного канцлера ещё сильнее. Однако, верный своему долгу лучшего чиновника империи, Чжун Бочэнь выдавил из себя улыбку. Вышло натянуто, но его благородный лик сразу потеплел и ожил.

Я удовлетворённо кивнул, мысленно отметив, что за такую улыбку не жалко отдать и мешок золота.

В этот момент в покои вошёл слуга и, почтительно склонившись, доложил:

— Ваше Высочество, господин канцлер. Дело прояснилось. Девушки Хундоу и Хунцзао действительно ничего не знали. Отрава была нанесена на само блюдо. Следы ведут в Департамент императорского двора... Не прикажете ли допросить управляющего Лу?

Вот те на, теперь и под Лу Цзюаня копают! Я поспешил перехватить инициативу, опередив Чжун Бочэня:

— Не нужно. Девчонок отпустить и пальцем не сметь трогать. Лу Цзюаня я только-только прибрал к рукам, негоже мне самому его вышвыривать. На этом расследование закрыть. Ступай, братец, ты хорошо потрудился, получишь награду.

Слуга растерянно захлопал глазами, и канцлеру пришлось выступить в роли толмача:

— Следствие окончено. Исполняйте волю Его Высочества.

Когда слуга удалился, я ласково посмотрел на своего покладистого Великого канцлера. Но тот вдруг переменился в лице и посмотрел на меня с яростной, кровожадной решимостью:

— Ниточки из Департамента императорского двора ведут прямиком к Вдовствующей императрице. Похоже, пришло время действовать.

«Ох, мамочки...»

У меня мороз по коже прошёл при виде того, как Великий канцлер мысленно затачивает топор против моей царственной родительницы. Вспомнив беззаботное, вечно прищуренное лицо младшего брата, я поспешил остудить его пыл:

— Погоди-ка, давай договоримся на берегу. Во-первых, какая бы она ни была, она моя мать, так что убивать её нельзя. Во-вторых, младший брат мне родная кровь, его не трогать. И в-третьих, самое главное — сам под удар не подставляйся! Я ведь только на тебя уповаю в надежде на безбедную старость!

Чжун Бочэнь промолчал, и мне оставалось лишь гадать, внял он моим мольбам или нет. Снова накатил страх, что Великий канцлер с горя пойдёт жаловаться дяде Вэю и они вдвоём отправят мою матушку вместе с братом на тот свет — воссоединиться с покойным императором. Впрочем, если подумать, вряд ли моя скромная персона стоит столь масштабного государственного переворота.

К счастью, Чжун Бочэнь сумел отыскать компромисс среди моих путаных наставлений. Уже через три дня неутомимый собиратель сплетен Лу Цзюань нашептал мне на ухо, что Вдовствующая императрица спешно переселилась во Дворец Милосердного долголетия. Официально объявили, будто её величество, пекущаяся о судьбах государства, добровольно удалилась от мирских забот ради молитв и поста. Однако знающие люди поговаривали, что её попросту заперли под домашний арест. Рассказывали, что первые сутки она беспрестанно проклинала меня, а оказавшись в келье, принялась усердно жечь благовония и бить поклоны... истово моля богов о моей скорейшей кончине.

На этом недолгое регентство моей Матушки-императрицы бесславно завершилось. В столице всё прошло на удивление гладко, без лишнего шума — разве что несколько старых сановников, уставших от её деспотичного нрава, тихонько отпраздновали это событие в своих садах, взорвав пару хлопушек.

Моя тревога улеглась, и я со спокойной душой занялся поправкой здоровья. Мой хлипкий, точно увядший лист, организм благодаря молодости восстанавливался на удивление быстро. Когда ко мне вернулся аппетит, позволяющий при желании съесть целого поросё, присмиревшие служанки Хундоу и Хунцао наконец вздохнули с облегчением. Правда, теперь они ввели железное правило: прежде чем подать мне хоть кусочек, одна из них непременно пробовала его сама. Глядя на это, я каждый раз замирал от страха, боясь, как бы верные девчонки не рухнули замертво прямо у меня на глазах.

В конце концов я нашёл изящный выход из положения. По моему приказу Лу Цзюань «амнистировал» на дворцовой кухне роскошного рыжего петуха, которого я тут же нарёк Хунчой. На долю новоявленного пернатого дегустатора выпала почётная обязанность пробовать мои блюда, отчего он очень скоро раздобрел и округлился. Стоило рассвету забрезжить, как Хунча взлетал на ветку дерева в моём дворе и затягивал столь громогласную песнь, напоминавшую пожарную сирену, что мне волей-неволей пришлось вернуться к здоровому режиму сна и бодрствования.

По утрам я прилежно читал книги, восполняя пробелы в образовании, а после полудня нарезал круги по двору под присмотром Сюй Чанчжи, постигая азы рукопашного боя. Так, в тишине и покое, пролетели три месяца, пока над двором вновь не сгустились тучи. Моему младшему брату, Помощнику государства, неожиданно объявили импичмент, и толпа разгневанных сановников наводнила двор перед Залом Благородного сияния, требуя, чтобы я взял бразды правления в свои руки. Сжавшись от страха, я робко выглянул из-за колонны и столкнулся взглядом с Чжун Бочэнем. Возглавлявший это шествие Великий канцлер стоял с самым невозмутимым видом и едва заметно мне улыбался.

«Ну конечно, твоих рук дело!»

Я мысленно выругался, скорчив ему из своего укрытия недовольную мину.

<http://bllate.org/book/19811/2029218>